

ДРЕВНИЙ МАКИАВЕЛЛИЗМ: ТРАКТАТ “АРТХАШАСТРА”

Предлагаемая статья является фрагментом исследования автора по теме взаимосвязи политики и морали в истории мировой политической мысли. Тезис, который рассматривается в данной статье, сводится к положению, что макиавеллизм происходит не от Макиавелли, а, наоборот, Макиавелли происходит от макиавеллизма. Дело не в личности Макиавелли. Объективное положение государственного деятеля, необходимость рационально обобщать накопленный политический опыт с неизбежностью порождают макиавеллистский дискурс. Доказывать этот тезис я собираюсь путем сравнительного анализа, указания очевидных параллелей между макиавеллиевским “Государем” (1513 г.) и древнеиндийским трактатом о политике “Артхашастра”, который датируется периодом не ранее III в. до н. э. и не позднее II в. н. э.

“Артхашастра” традиционно приписывается ученому индийскому брахману Каутилье, которого обычно отождествляют с именами Чанакья и Вишнугупта. В буквальном переводе имя Каутилья означает "изворотливый", “изогнутый”, “кривой”. Поэтому некоторые исследователи полагают, что Каутилья – это псевдоним.

Автора “Артхашастры” давно сравнили с Н. Макиавелли. Если учесть, что Макиавелли величают основателем современной европейской науки о политике, то есть науки, построенной на сугубо рационалистической методологии, то это сравнение кажется поистине удивительным: как в эпоху религиозного синкретизма в Древней Индии мог жить человек с современным мышлением, которому так свойственны прагматизм и эмпиризм. Правда, современникам свойственно себя переоценивать.

Между тем хронологически этот трактат входит в створ или находится *по эту сторону* “осевого времени”. Так К. Ясперс обозначил период между 800 и 200 гг. до н. э., когда человечество осуществило, по выражению Ясперса, “великий прорыв”. Суть его заключалась в том, что родился *логос*, устойчивая тенденция рационального мышления. Впервые человек отважился искать опору в собственном разуме. Древний мифологический мир еще силен и все же он начинает сдавать свои позиции под напором новорожденной образованности и отступать в область народных суеверий и преданий. Наличие разума становится определением человека, его подлинной природы и исключительной судьбы, ставит его вровень с богами. Появляется идейная борьба: люди с разным опытом и идеями пытаются убедить друг друга и других в своей правоте, прибегая к *логосу* – слову, сказанному и написанному.

“Артхашастру” справедливо называют энциклопедией политического искусства Древней Индии. В трактате собрана и обобщена в виде конкретных рекомендаций многовековая политическая мудрость индийских правителей, четко и скрупулезно, до мелочей, прописаны политические роли государственных деятелей и служащих (царя, министров, военачальников, советников, послов, шпионов, надзирателей и т. д.), их обязанности, варианты поведения в возможных ситуациях, хозяйственные распоряжения, судопроизводство, военное дело, внешняя политика. Изложение материала выстроено по следующей схеме: сначала автор

излагает имеющиеся точки зрения по тому или иному конкретному вопросу, затем он их критически анализирует и либо соглашается с одной из них, либо отвергает все, выставляя свои аргументы.

При чтении “Артхашастры” является настроение Екклезиаста: все уже было и все уже сказано. Методологической основой рассуждений автора трактата является его убежденность в неизменности предмета – науки управлять государством и неизменности природы человека, мотивов его поведения. Отсюда проистекает использование метода исторических аналогий, примеров. Тот же взгляд на природу людей и вещей и тот же метод исповедовал автор “Государя”.

В этимологическом смысле “артхашастра” дословно означает “наука о выгоде”, “наука о накоплении ценностей”. Наука политики - это наука наук, ибо “она - средство для обладания тем, чем не обладали, для сохранения приобретенного, для увеличения сохраненного, и она распределяет среди достойных приращенное добро”¹ .

Прежде всего следует сказать, что Каутилья также, как и Макиавелли, отводит исключительное значение фигуре государя. Но в отличие от древневосточных деспотов, которые существовали в ритуальном режиме “живых богов”, место и роль царя в “Артхашастре” выписаны совершенно иначе. Он приставлен к государству, чтобы его бдиль и охранять. Он, как говорится, “на хозяйстве”, и как рачительный хозяин, везде должен успеть. Верховный собственник земли в своем государстве, он должен позаботиться, чтобы земля не пустовала, обрабатывалась хлебопашцами. Если земли дохода еще не дают, то царь должен помочь хлебопашцам зерном, скотом и деньгами, а также освободить от налогов без большого ущерба для казны. Далее, царь должен устроить рудники, промыслы, рощи ценных деревьев, пастбища, торговые подворья, водные и сухопутные пути, оросительную систему, охранные крепости на границах; он должен заботиться об инвалидах, сиротах, одиноких беременных женщинах, принудить должников и их родственников выполнить свои обязанности и еще многое другое² .

“Счастье царя в счастье подданных, в пользе подданных - его польза. Польза для царя - не то, что ему приятно, но что приятно подданным - в том польза царю”³. Таков пафос Каутильи. Таков и пафос Макиавелли: государь держит государство не для себя, а для своих подданных. Этим настроением пропитаны учения Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона и других учителей древней политической мудрости. В дальнейшем, уже в Новое время, эта идея у Локка, Милтона, Пейна, Спинозы, Руссо, Канта и др. трансформировалась в представление о правителе как высшем должностном лице, главе исполнительной власти, действующем сугубо в интересах народа и под контролем закона, выражающего эти интересы. Но это была другая по своему историческому содержанию эпоха. Макиавелли ее не знал, поэтому рассуждал так: “Основой власти ... служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы, поэтому, минуя законы, я перехожу прямо к войску”⁴ . Точно так же мыслил Каутилья. Судя по всему он жил в эпоху, аналогичную по своему историческому содержанию макиавеллиевской.

Представление о том, что государь сам себе не принадлежит и обязан встать над своими человеческими привязанностями и слабостями, стало общим достоянием европейской политической мысли, пожалуй, лишь в эпоху абсолютизма. Правда, у Данте Алигьери, Марсилиа Падуанского, наконец, у Макиавелли эта идея уже наличествует. Тем более замечательной выглядит аналогичная позиция автора "Артхашастры": его совершенно не волнует внутренний мир царя, переживания, нравственные колебания. Он расценивает таковые как слабость, недостойное поведение, ибо здесь налицо утрата самообладания. "Победа над чувствами, основанием которой являются наука и воспитание, достигается отвержением страсти, гнева, стязания, гордости, безумства, высокомерия. ...Царь, поступающий в противоположность этому руководству (политика), не обуздывающий своих чувств, немедленно гибнет, хотя бы он был владыкой четырех стран света"⁵ .

В "Государе" Макиавелли излагает возрожденческую концепцию деятельности. Доблестью можно перебить или, во всяком случае, подправить свою судьбу. Каутилья с этим полностью согласен и предупреждает, что если царь бездеятелен, то обязательно лишится своего царства. "Когда царь деятелен, то вслед за ним деятельны его слуги. Если царь бездеятелен, то вслед за ним бездеятельны и его слуги, которые и уничтожают его дела, и он одолевается ненавидящими его"⁶ .

Царская наука, наука о государственном управлении, есть прежде всего наука об использовании по назначению "жезла" – наказания. "... кто хочет (успеха) в мирских делах, пусть всегда будет с поднятым жезлом"⁷, - советует ученый брахман. Наказание воспринимается как мера воспитания, если не самого виновника - ему нередко могли отрубить голову или казнить более декоративной и занимательной казнью, к чему так были склонны восточные владыки, - то в качестве назидания для остальных. Как тут не вспомнить Макиавелли, который полагал, что жестокость не рациональна, но если все же интересы безопасности требуют таких мер, то их надо применять сразу и кратковременно.

Исключительная роль венценосной особы, персонифицирующей собой судьбу государства, ставит в повестку дня вопрос об организации ее подобающей охраны и предупреждении возможных угроз. "Царь, если сам охранен, охраняет царство от близких и врагов, прежде всего от жен своих и детей"⁸. С этой целью он может и должен применять разные средства и методы. В "Артхашастре", например, как нечто обычное, говорится о практике убийства царских сыновей, заподозренных в злоумышлении против царя-отца, "ибо царские сыновья подобны ракам: они пожирают своего родителя"⁹. Впрочем, Каутилья не разделяет такой жестокости, как тайное убийство возможных наследников, претендентов на престол. Он советует царю заключать таких сыновей в оковы.

В управлении царь широко опирается на шпионов, которые добывают разнообразную информацию, делающую его зрячим. В восьмом разделе, который называется "Применение тайных агентов", даются подробные инструкции на сей счет. В стране все должны быть под наблюдением, в первую очередь, министры, полководцы, главные должностные лица, особы, приближенные к царю. Они тщательно подбираются (методы подбора и расстановки "кадров" детально описаны) и периодически проверяются на преданность царю. Для этой цели Каутилья советует использовать метод провокации. В шестом разделе провокация

именуется “применением хитростей”. Здесь приводится описание четырех видов провокации: “хитрости закона”, “хитрости выгоды”, “хитрости любви” и “хитрости страха”¹⁰. Макиавелли этот метод назвал бы “методом лисы”.

Не менее поучителен пятый отдел, который деликатно называется “О применении утонченных средств государственной политики”. Здесь говорится, что в отношении высших должностных лиц, которые так или иначе вредят власти государя, держат его в своих руках или являются сторонниками его врагов, “государь, любящий справедливость”, должен применять тайные средства наказания. Какие же это средства? Вот пример: “(Если имеется) высокое должностное лицо, которое подлежит устранению, то подосланный шпион должен возбудить против такого лица его собственного брата, обиженного им, такого (брата) следует показать государю, и последний, обещав ему пользование имуществом подлежащего устранению, направляет его против такового. Когда же (брат) совершает убийство посредством оружия или яда, то его следует казнить под предлогом, что он братоубийца”¹¹.

Еще один способ “установления справедливости”: “... (шпион) под видом врача должен установить у подлежащего устранению лица тяжелую или неизлечимую болезнь, а затем покончить с ним во время приемов лекарств путем примешивания яда. Возможно также, что подосланные (шпионы) под видом поваров хитрым образом покончили с подлежащим устранению лицом посредством яда”¹². А мы всерьез полагаем, что Сталин и его команда были оригиналами.

И так далее в том же духе. Оговор, провокация, столкновение людей друг с другом, коварное убийство - одним словом, преступления, оправдываемые государственными интересами.

В следующем разделе даются подробные инструкции, как выбивать подати для пополнения государственной казны. Каутилья считает справедливым, если к людям, скрывающим истинные размеры своего состояния или сколотившими его незаконным способом, применяются “утонченные средства”.

Нашим налоговым службам есть у кого позаимствовать опыт. Например: “...сборщик податей, указав на цель сбора, должен обращаться с просьбами к городским и сельским жителям. При этом подставные лица должны первые платить чрезмерно большие суммы. Пользуясь этим как примером, государь должен обращаться с воззванием к горожанам и селянам. Подставные агенты должны поносить тех, кто мало дает. Или же государь должен просить богатых в соответствии с их состоянием. Далее, в соответствии с оказанными ими услугами или тем (из них), которые будут жертвовать добровольно, он в обмен на данные ими деньги может давать им должности, зонтики, головные уборы и украшения”¹³. Думаю, наших олигархов особенно устроили бы зонтики.

Когда особенно трудно с деньгами, государь не должен брезговать даже сутенерством: “содержатели притонов должны собирать доход (идуший в казну) при помощи посланных государем женщин, отличающихся молодостью и красотой”¹⁴.

О методах и приемах осуществления внешней политики можно прочитать в седьмом отделе “Артхашастры”. Из него мы узнаем, что к этим методам относятся: мир, война, выжидательное положение, наступление, искание защиты и двойственная политика¹⁵. В других разделах подробно рассматриваются эмпирические обстоятельства применения этих шести методов. „Желающий победить должен применять шесть методов политики сообразно со своими силами. С равными ему по силам и с более сильным он должен пребывать в мире, с более слабым он может воевать, ведь тот на которого более сильный идет войной, становится подобен пехотинцу, сражающемуся со слоном. Если же он воюет с равным, то это приводит лишь к потерям с обеих сторон, подобно тому как разбиваются два необожженных горшка, если их столкнуть. Только тот, кто воюет с более слабым, имеет успех, будучи подобным камню, разбивающему глиняный сосуд”¹⁶. Если речь идет о выборе союзников, Каутилья учит заключать союзы с двумя равными, нежели с одним более сильным, ибо при случае всегда можно посеять вражду между двумя бывшими союзниками. Здесь немедленно всплывает в памяти рекомендация Макиавелли по возможности не прибегать к помощи союзных войск, которые он называет “разновидностью бесполезных войск”, более опасную, чем войска наемные, ибо “поражение их грозит государю гибелью, а победа – зависимостью”¹⁷.

Каутилья исходит из того, что царь мудр и добродетелен, однако его подданные - люди со слабостями, за ними нужен глаз да глаз, держать их надо в строгости, требовать от них честной службы и соответственно награждать. Макиавелли тоже исходит из того, что человек по природе ищет прежде всего свою выгоду и скорее повинуется из страха, чем по чувству добра и долга.

Каутилья и Макиавелли, которых разделяет более полутора тысяч лет, выглядят современниками-однодумцами. Слишком много поистине удивительных совпадений мыслей, чтобы счесть это случайностью. И если отбросить иррациональную версию о переселении душ, то напрашивается вывод: оба они принадлежат одному и тому же типу мышления, дискурсу. Убежденные государственники, они исповедуют идеал разумного государя. Обоим присущ сугубый прагматизм, эмпиризм, нацеленность на результат. Как бы мы сейчас сказали, в центре их внимания находилась технология политического процесса. Макиавеллизм и есть выражение такого подхода к политике. Что касается морали, то не абстрактные нормы и религиозные заповеди, а бытующие нравы диктовали выбор средств.